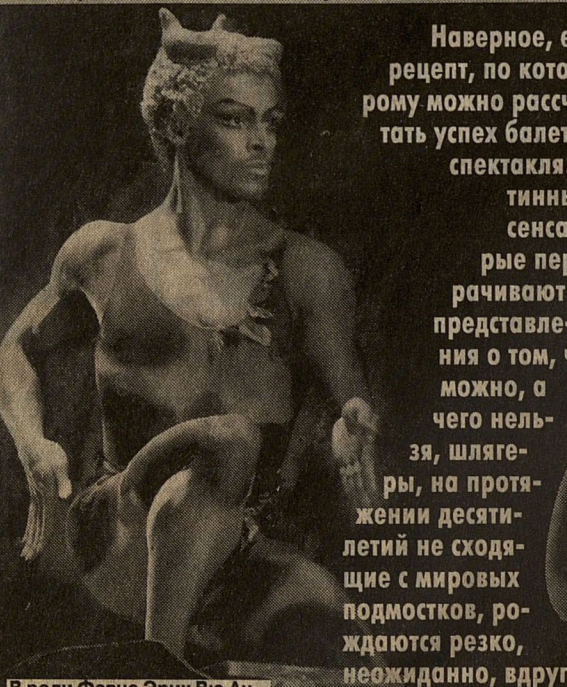




В роли Фавна Эрик Вю Ан.

Наверное, есть рецепт, по которому можно рассчитывать успех балетного спектакля. Но истинные балетные сенсации, которые переворачивают все представления о том, что можно, а чего нельзя, шлягеры, на протяжении десятилетий не сходящие с мировых подмостков, рождаются резко, неожиданно, вдруг. Как разряд молнии. И очень часто их появление связано с громким скандалом, подобным тому, что случился девятью годами назад на премьере балета Вацлава Нижинского "Послеполуденный отдых фавна" в Русском балете Сергея Дягилева.

### 10 минут и 90 репетиций

Правда, скандал вокруг постановки закрутился задолго до премьеры, еще во время репетиций, проходивших в апреле 1912 года в Монте-Карло. "Фавн" стал первым хореографическим опытом двадцатитрехлетнего бога танца — Нижинского. Новизна постановки, как водится, не столько восхищала, сколько раздражала. Артистам не нравилось в балете все: неудобно танцевать (да и какие это танцы, когда нет ничего общего с привычными балетными па), и то, что молодой хореограф проявлял иезуитскую вездельность, когда нельзя пошевелить пальцем руки или ноги против воли постановщика. Да и фантастическое количество репетиций — девятью на десятиминутный балет — выводило из себя. Но артисты — не самое страшное, им никогда ничего не нравится, а хореографический поиск почти всегда воспринимается как надругательство над их свободой. А вот то, что "Фавна" не принял хозяин Русского балета, покровитель и интимный друг Нижинского Сергей Дягилев, — это была настоящая драма.

### Париж будет в диком восторге

Когда Дягилев увидел черновой прогон нового балета, он испытал шок и сказал, что Нижинский должен переделать его весь, от начала и до конца. На что Вацлав, взорвавшись, ответил: "Я все брошу и уйду из Русского балета. Завтра же уйду. Но я ничего не изменю в своей постановке!" Дягилеву вторил и его давний друг, генерал Безобразов, убеждавший молодого хореографа, что "Фавн" никакой не балет, что он не может понравиться публике и иметь успех. Но всегда тихий, неразговорчивый Нижинский проявил невиданное упрямство. Он ничего не собирался менять в своем балете, ни единого движения. Либо так, как он поставил, либо вообще никак. Наконец Дягилев решил доверить вкусу художника Льва Бакста. Бакст, увидев репетицию "Фавна", пришел в восторг. Он расцеловал Вацлава, а Дягилеву, Безобразову и всем артистам, занятым в спектакле, с радостью сообщил: "Париж будет в диком восторге". Несколько дней спустя Дягилев признался сестре Нижинского, Брониславе, что никогда не видел Бакста таким увлеченным. "Левушка сказал, что это "сверхгениальное" произведение, а мы идиоты, если этого не поняли". Дягилев сиял от счастья, но тут же добавил: "Но, Броня, вы и представить не можете, каким победителем ощущает себя Вацлав. Теперь, когда эта история закончилась, он уже никогда не будет слушаться меня!" И Дягилев оказался прав. Первая попытка Нижинского проявить свою независимость стала началом его разрыва с Дягилевым. Он впрямь перестал слушаться своего покровителя.

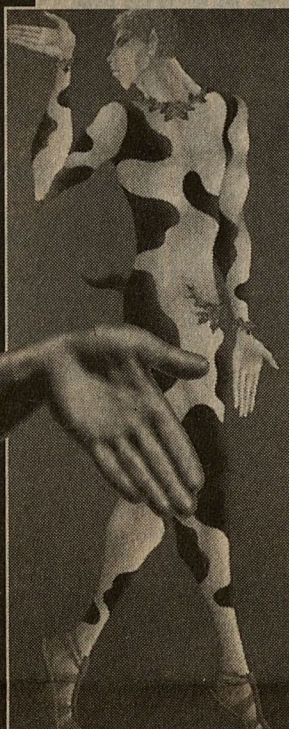
### Маленький хвост и золотые рожки

29 мая 1912 года аристократические, политические и художественные сливки Парижа собрались в театре Шатле, чтобы увидеть балет Нижинского на музыку Клода Дебюсси, в основу которого легла не эклога Стефана Малларме "Послеполуденный отдых фавна", а короткая прерамбула к ней. Персонажи в костюмах Бакста выстраивались на сцене так, что создавалось впечатление, будто это оживший древнегреческий фриз. Нимфы, одетые в длинные туники из белого муслина, танцевали босиком с подкрашенными красной краской пальцами ног. Что до Нижинского, то костюм и грим полностью изменили танцовщика. Артист подчеркнул раскосость своих глаз, утяжелил рот, отчего в его лице появилось нечто томное и животное. На нем было трико кремового цвета с разбросанными темно-коричневыми пятнами. Впервые мужчина появлялся на сцене столь откровенно обнаженным, никаких кафтанов, камзолов или штанов. Трико дополняли лишь маленький хвостик, виноградная лоза, обхватывавшая талию, да плетеная шапочка золотистых волос с двумя золотыми рожками. Нижинский являл собой существо дикое и сексуальное. А сюжет "Фавна" был на редкость прост. Группа нимф приходит к роднику искупаться, не догадываясь, что за ними наблюдает фавн. Увидев его, нимфы в испуге разбегаются, а одна из них роняет вуаль. Фавн ее поднимает, уносит в свое логово на скале и, расположившись на легкой ткани, предается любовной истоме.

### Акт мастурбации

Казалось бы, что может возмутить зрителя в этой невинной хореографической картине, действие которой никак не связано с современностью, а пластическое решение не нарушает этических норм, принятых в то время. Но была одна пикантная деталь, поразившая зрителей своей смелостью и расколовшая зал, а потом и французское общество на два воинствующих лагеря. Это произошло в финале. Фавн-Нижинский ложится на ткань, его руки располагаются вдоль тела, он застывает в сладкой любовной грезе, а потом... просовывает руки между ног и делает несколько движений, напоминающих акт мастурбации... Мгновение... голова откинута назад... тело сотрясает судорога... И падает занавес. После такого поворота сюжета зал некоторое время пребывал в молчании, а потом все смешалось в аплодисментах восхищенных зрителей и шиканье тех, кого возмущил балет. Дягилев впервые встретил такой прием и был неприятно удивлен. Возбужденный, он вышел на сцену, как вдруг услышал из зала крики: "Бис!", "Бис!", прорвавшиеся сквозь шум зала. Дягилев ухватился за это и приказал повторить балет. Второе исполнение прошло в чуть более спокойной атмосфере.

Нижинский — Фавн.



решил яриться на себя самого. Я смотрел на свой... стоячий и ярился. Мне не нравилось, но я думал, что "раз я завел машинку, надо кончить". Я кончал быстро".

Так что совсем не случайным и не чужим был для Нижинского финальный момент "Фавна".

### Раз завел машинку, надо кончить

Многие считают, что финальный эпизод был предложен молодому хореографу хитрым Сергеем Павловичем Дягилевым. Как никто другой, Сергей Павлович знал, что нет более сильного рекламного трюка, чем скандал. Вот и предложил Нижинскому неприличнейший жест в финале, произведший что-то вроде взрыва бомбы. Возможно, это было и так, никто из исследователей ничего с уверенностью не утверждает. Но если вспомнить, как Нижинский бился за свой балет с Дягилевым, как отказывался изменить в нем хоть что-то, то почему он должен был поступиться хореографическим кредо и пристегнуть финал, предложенный ему покровителем?

Есть и еще что-то, что свидетельствует в пользу финального авторства Нижинского. Это дневники танцовщика, написанные несколькими годами позже, когда Нижинский уже был душевно болен. Здесь представлен богатый эротический ряд, из которого ясно, как сексуально возбужден и активен был танцовщик. Обрывки фраз, воспоминаний говорят об интимных отношениях не только с женой, но и с проститутками. "Я обманывал мою жену, ибо имел такое количество семени, что мне надо было его выбрасывать. Я выбрасывал семя не в кокетку, но на постель... Я любил несколько кокоток в день... Я сам употреблял мою жену до 5 раз в день..." Есть здесь эпизоды, связанные и с мастурбацией. "...Я страдал, когда мне хотелось. Я хотел всякий раз, когда ложился в постель. Я заметил, что в школе никто не знает о моих привычках, а поэтому продолжал... Я терял разум, когда занимался онанизмом... Я был большим онанистом. Я плохо понимал Бога и думал, что он хочет мне добра, занимаясь онанизмом... Я имел не более 19 лет, когда стал заниматься онанизмом раз в 10 дней. Я любил лежать и воображать о женщинах, но после усталости и решил яриться на себя самого. Я смотрел на свой... стоячий и ярился. Мне не нравилось, но я думал, что "раз я завел машинку, надо кончить". Я кончал быстро".

### В дело вмешивается полиция нравов

Ну а скандал вокруг балета разгорелся с еще большей силой на следующий день, когда вышли первые рецензии на спектакль. Так, Гастон Кальметт, редактор и владелец газеты "Фигаро", снял из набора статью симпатизировавшего Русскому балету критика Брюсселя и заменил ее собственным текстом, где резко осудил "Фавна". "Перед нами не знающий стыда Фавн, чьи движения гнусны, чьи жесты столь же грубы, сколь непристойны, — писал Кальметт. — И не более того. Справедливыми свистками была встречена столь откровенная мимика этого звероподобного существа, чье тело уродливо, если смотреть на него спереди, и еще более отвратительно, если смотреть в профиль". На защиту "Фавна" встал скульптор Огюст Роден, который был и на генеральной репетиции, и на премьере, горячо аплодируя Нижинскому. Роден в рецензии, опубликованной в газете "Матен", отмечал: "...Фавн красив, как красивые античные фрески и статуи: о такой модели любой скульптор или художник может только мечтать. Нижинского можно принять за статую, когда при поднятии занавеса он лежит во весь рост на скале, подогнув одну ногу под себя и держа у губ флейту. И ничто не может так тронуть душу, как последний его жест в финале балета, когда он падает на забытый шарф и страстно его целует. Мне хотелось бы, чтобы каждый художник, действительно любящий искусство, увидел это идеальное выражение красоты, как ее понимали эллины".

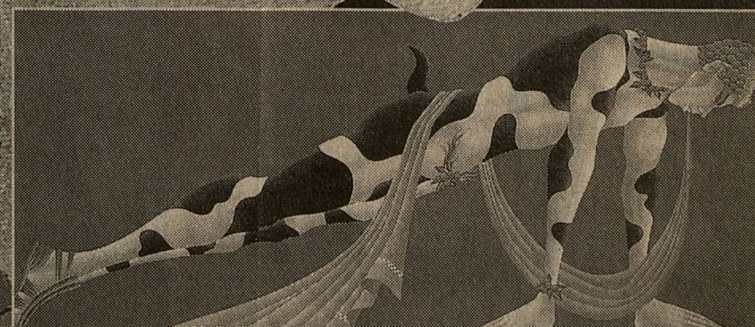
Вот это "падает на забытый шарф и целует" еще более раздражило Кальметта. В следующей его публикации ядовитые стрелы были выпущены не только в адрес "Фавна", но и в сторону сладострастного старца Родена. Но самое фантастическое то, что полемика из разряда художественной перешла в политическую. Французское общество вдруг решило, что Кальметт выступает не против балета, а против франко-русского союза. Париж забурился всевозможными слухами, а Дягилеву сообщили, что последняя поза Нижинского вызвала протест полиции нравов. Полицейские даже побывали на одном из спектаклей, но не смогли запретить балет, настолько яростной была его поддержка прогрессивной прессой и поклонниками Русского балета.

А зрители, пока шла вся эта перепалка, разрывались от желания побывать на аморальном "Фавне". Билеты на который были давно распроданы, и требовались невероятные связи, чтобы попасть на представление в Шатле.

Наверное, есть рецепт, по которому можно рассчитывать успех балетного спектакля. Но истинные сенсации, которые переворачивают все представления о том, что можно, а чего нельзя, рождаются резко, неожиданно, вдруг. Как произошло со скандальным и развратным "Фавном". О котором сам Нижинский сказал очень просто: "Я не думал о разврате, когда я сочинял этот балет. Я его сочинял с любовью. Я выдумал весь балет один... Я работал долго, но хорошо, ибо я чувствовал Бога. Я любил этот балет, а поэтому я передал мою любовь публике".

Поэтом и сегодня, когда никого не удивишь никакими жестами и телодвижениями, столь популярен "Послеполуденный отдых фавна", пронизанный животной прелестью и юношеской любовью Нижинского.

В оформлении использованы работы испанского художника Хосе Рамона Санчеса, посвященные Вацлаву Нижинскому в роли Фавна.



Нижинский Вацлав 13.12.02